

**ДЕНЬ
СОЦИОЛОГА
20 ЛЕТ**

Материалы
Всероссийской научно-практической
конференции
**«ОБЩЕСТВО И СОЦИОЛОГИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»**

ТОМ 2

Вологда • 2015

УДК 316.3(470)
ББК 60.52(2Рос)
О-28

Публикуется по решению
Ученого совета ИСЭРТ РАН

Общество и социология в современной России [Текст] : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, г. Вологда, 13 – 15 ноября 2014 года : в 3 т. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – Т. 2. – 340 с.

Редакционная коллегия:

Горшков М.К. – академик, директор ИС РАН,
Осипов Г.В. – академик РАН, директор ИСПИ РАН,
Ильин В.А. – д.э.н., профессор, директор ИСЭРТ РАН,
Малышев М.Л. – д.с.н., зам. директора ИС РАН,
Шабунова А.А. – д.э.н., зам. директора, зав. отделом ИСЭРТ РАН,
Гулин К.А. – д.э.н., зам. директора, зав. отделом ИСЭРТ РАН,
Сычев М.Ф. – к.э.н., ведущий научный сотрудник ИСЭРТ РАН,
Третьякова О.В. – к.ф.н., зав. отделом ИСЭРТ РАН.

В сборнике, состоящем из трёх частей, представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, проходившей в Вологде 13-15 ноября 2014 г.

Часть первая: доклады пленарного заседания и молодёжной секции.

Часть вторая: материалы секций № 1 – 2.

Часть третья: материалы секций № 3 – 4.

Сборник содержит свыше 100 текстов, подготовленных социологами и представителями смежных наук из научных учреждений и вузов из многих регионов России, а также Беларуси. На страницах докладов обсуждается значение социологического мировоззрения для настоящего и будущего российского общества. Поднимаются вопросы о роли и значимости социологии в государственном и муниципальном управлении, о важности реального содержательного включения социологии (социологического участия) в государственное управление при подготовке и реализации крупных проектов. Рассматриваются вопросы о социально-технологическом использовании социологии для решения проблем, о роли социологии как средства обоснования социальной солидарности, как средства обоснования моральных ценностей и норм.

Для научных работников, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественной ответственности, СМИ и всех интересующихся вопросами социального развития России.

Тексты выступлений приводятся в авторской редакции.

ISBN 978-5-93299-283-8

ISBN 978-5-93299-285-2

© ИСЭРТ РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ 2

Секция 1

Российское общество 1990 – 2010-х гг. глазами социологов: проблемы, тенденции, закономерности

Валиахметов Р.М.

Современное российское общество в контексте концепции
человеческого развития 8

Голенкова З.Т.

Новые слои в социальной структуре российского общества..... 11

Голиусова Ю.В.

Избыточное образование как фактор прекаризации
социально-трудовых отношений 22

Шабунова А.А.

Медико-социологический мониторинг здоровья детей: региональный опыт..... 30

Силин А.Н.

Мультилокальность образа жизни: опыт социологических исследований 41

Гимаев И.З.

Средства массовой информации как механизм формирования
общественного мнения на современном этапе..... 45

Егоров В.К., Ибрагимов М.-Р.А.

Социально-экономические проблемы Северного Кавказа (на примере Дагестана)..... 49

Хилажева Г.Ф.

Социологические исследования демографических процессов в Башкортостане..... 56

Соловьев А.К.

Проблема преодоления бедности пенсионеров –
ключевая задача государства и общества современной России..... 61

Васильева Е.Н.

Стратегии инновационного развития России:
влияние на экономические ценности и экономическое поведение россиян..... 72

Евграшина И.А.

Молодежь как фактор инновационного развития региона 76

Скуденков В.А.

Трансформация экономических притязаний студенческой молодежи 81

Рожкова Л.В., Сальникова О.В.

Ценность образования и образовательные стратегии студентов 84

Дрянных Н. В.

Особенности формирования «общества, основанного на знаниях» в России 89

Волков Ю.Ю.

К проблеме социальных интересов финансового сообщества 92

Посухова О.Ю.	
Эксклюзивность каналов социальной мобильности в условиях неравенства в российском обществе	97
Нор-Аревян О.А.	
Социологические концепты исследования роли образования в жизни молодежи: оценка мнений студенческой молодежи Дона.....	104
Ковалева Г.А.	
Формы участия молодежи в модернизации ЖКХ на региональном уровне	110
Гужавина Т.А.	
Неэкономические факторы развития: роль, значение, тенденции	116
Маршак А.Л.	
Культурная идентичность как фактор укрепления целостности России.....	122
Цилибина Т.В.	
Проблема доверия между обществом и властью.....	126
Страхов С.Е.	
Взаимосвязь свободы и ответственности в общественном и личном проявлении.....	130
Молодов О.Б.	
Интернет в современном медийном пространстве Вологодской области.....	136
Клюев А.А.	
К вопросу о постмодернистских тенденциях в современной экономике.....	141
Зачесов А.А.	
Условия проживания в г. Вологде в оценках населения	146
Лукин Е.В.	
Промышленность Вологодской области в посткризисный период: состояние, проблемы, перспективы	153
Секция 2	
Развитие территориальных сообществ и социологическое обеспечение регионального управления	
Маркин В.В.	
Региональная социология и управление: «дорожная карта» взаимодействия	161
Воронов В.В.	
Конвергенция регионов Европейского Союза: особенности и оценка	168
Лавренюк Н.М.	
Актуальное региональное стратегирование: взаимодействие государства, науки и общества в Башкортостане.....	172
Касьянов В.В.	
Демографические процессы в Краснодарском крае: реалии и перспективы.....	176
Бухнер Н. Ю.	
Развитие территориальных сообществ в сибирском городе	183

Медведева Е.И., Крошилин С.В. Управление системой образования территории на основе применения гребневой модели.....	187
Крошилин С.В., Медведева Е.И. Особенности информатизации общества: изучение проблемы в регионе	192
Леонова Ж.К. Государственно-частное партнёрство: региональная модель подготовки кадров для малого и среднего предпринимательства.....	200
Галиев Г.Т. Социальный аудит – важный фактор в исследованиях социально-трудовых отношений в современной экономике	206
Егорышев С.В. Социологические мониторинговые исследования в механизме обратной связи регионального и муниципального управления	211
Дрегалю А.А., Ульяновский В.И., Воловик О.А. Средовые особенности формирования социальной идентичности	215
Кибенко В.А. Теоретико-методологические аспекты исследования региональной идентичности городского населения Ямало-Ненецкого автономного округа (программа социологического исследования).....	220
Морев М.В. Опыт социологических исследований в изучении социального здоровья.....	226
Лагов Ю.В. Стимулы и препятствия для перехода полиции на модель социального партнёрства (на примере организации независимой оценки участковых).....	236
Зимин А.В., Зимин Е.А. Взаимодействие полиции с институтами гражданского общества: стратегические аспекты.....	242
Петошина С.И. Средства распространения социальной рекламы в практике социальной работы (на примере Мурманской области).....	248
Зяяц П.В. Аутсорсинг региональных систем в инжиниринговых исследовательских практиках	255
Большакова Ю.М., Большаков С.Н. Аппарат государственного и муниципального управления как объект социологического анализа.....	260
Дементьева И.Н. Опыт социологических исследований протестного потенциала в регионе	267
Заводовская О.В. Главная экономическая и социальная проблема современного российского села – адаптация сельской молодежи к трансформационным процессам	274

Панов А.М.	
Формализация безработицы в Вологодской области.....	280
Ворошилов Н.В.	
Реформа местного самоуправления в оценках глав муниципальных образований.....	285
Озерова О.Ю.	
Качество жизни населения промышленного города: объективный подход (на примере г. Череповца Вологодской области).....	290
Садкова Д.А.	
Потенциал протеста молодежи в контексте протестных настроений жителей региона: сравнительный анализ	295
Кузнецова И.П.	
Качество жизни населения как показатель благосостояния государства	300
Мосин В.И.	
Социально-экономические приоритеты Тульской области в современных условиях	307
Шаповалов С.Н.	
Современная демографическая ситуация в стране и регионе в оценках жителей Краснодарского края	312
Ирназаров Р.И.	
Рыночные преобразования и безработица в сельской местности в Республике Башкортостан	319
Попов А.В.	
Удовлетворенность трудом как индикатор качества рабочих мест	322
Анищенко А.Н., Селименков Р.Ю.	
Оценка функционирования сельского хозяйства региона на основе результатов мониторингового исследования	328
Соловьева Т.С.	
Роль среднего класса в модернизации регионов.....	334

СЕКЦИЯ 1
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
1990 – 2010-Х ГГ.
ГЛАЗАМИ СОЦИОЛОГОВ:
ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ,
ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Р.М. Валиахметов

кандидат социологических наук,
директор Башкирского филиала Института социологии РАН, г. Уфа.

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В первом мировом Докладе о развитии человека (ДРЧ), изданном Программой развития ООН (ПРООН) в 1990 г., предельно четко было сформулировано понятие «человеческое развитие». Доклад начинается с прямого утверждения: «Подлинное богатство народов – люди. Основная цель развития состоит в создании условий, дающих людям возможность жить долгой, здоровой и творческой жизнью. Это может показаться простой истиной. Но о ней часто забывают из-за текущей заинтересованности в накоплении сырьевых товаров и денежного богатства» [1].

В этом и последующих мировых ДРЧ понятие «человеческое развитие» рассматривается как «процесс расширения спектра выбора для людей». К наиболее важным элементам выбора отнесены возможности жить долгой и здоровой жизнью, получить образование и иметь достойный уровень жизни. При этом также отмечалось, что понятия человеческого развитие и благополучие выходят далеко за эти рамки и должны включать в себя гораздо более широкий набор возможностей, в том числе политические свободы, права и достоинство человека.

Глобальные изменения условий развития человека в мире, расширение возможностей сбора и анализа более адекватных статистических данных стали основными причинами пересмотра дефиниции человеческого развития и инструментария его оценки. Авторы юбилейного (20-го) мирового Доклада о развитии человека за 2010 г. сформулировали новые подходы к определению человеческого развития. Они пришли к выводу, что процесс расширения возможностей выбора является основополагающим для человеческого развития, но недостаточным. Подчеркивается, что «развитие человека заключается в постепенном накоплении и сохранении позитивных результатов и противостоянии процессам, обедняющих или угнетающих людей, усиливающих структурную несправедливость. Поэтому ключевыми являются процессуальные принципы, такие как справедливость, устойчивость и уважение к правам человека» [3, с. 22].

Оригинальным аналитическим инструментом, разработанным экспертами ПРООН для измерения уровня человеческого развития в отдельной стране, является интегральный индекс человеческого развития (ИЧР). За основу измерения человеческого развития были взяты три основных показателя – долголетие, образованность, уровень

Таблица 1. Место Российской Федерации в рейтинге стран по ИЧР, 1990–2013 гг.

Год издания доклада	Год, на который рассчитывался индекс	Значение ИЧР	Рейтинг России по ИЧР	Уровень ИЧР	Справочно:	
					страна-лидер по ИЧР	(значение ИЧР)
1993	1990	0,862	37	Высокий	Канада	0,996
1994	1991	0,858	34	Высокий	Канада	0,993
1995	1992	0,849	52	Высокий	Канада	0,982
1996	1993	0,804	57	Высокий	Канада	0,982
1997	1994	0,792	67	Средний	Канада	0,932
1998	1995	0,769	72	Средний	Канада	0,950
1999	1997	0,747	71	Средний	Канада	0,951
2000	1998	0,771	62	Средний	Канада	0,960
2001	1999	0,775	55	Средний	Норвегия	0,960
2002	2000	0,781	60	Средний	Норвегия	0,932
2003	2001	0,779	63	Средний	Норвегия	0,935
2004	2002	0,795	57	Средний	Норвегия	0,939
2005	2003	0,795	62	Средний	Норвегия	0,942
2006	2004	0,797	65	Средний	Норвегия	0,944
2007/2008	2005	0,802	67	Высокий	Исландия*	0,956
2009	2007	0,817	71	Высокий	Норвегия	0,963
2010*	2009	0,719	65	Высокий	Норвегия	0,965
2011	2010	0,755	66	Высокий	Норвегия	0,968
2013	2011	0,788	55	Высокий	Норвегия	0,971

*Примечание: Начиная с 2010 года, расчет индексов производится по новой методике, поэтому полученные результаты несопоставимы с индексами, рассчитанными ранее.

жизни. При этом каждый из показателей характеризует несколько принципиально важных человеческих возможностей: долголетие – прожить долгую и здоровую жизнь; образованность – приобретать знания, общаться, участвовать в жизни общества; уровень жизни – получить доступ к ресурсам, необходимым для достойной и здоровой жизни, иметь условия для территориальной и социальной мобильности и т.д. В основе определения этой совокупности измерений лежит принцип «безусловности выбора», согласно которому каждый человек, имея перед собой возможность выбора, предпочтет более долгую жизнь, более высокий уровень образования и больший материальный достаток [2, с. 105].

Для каждого из указанных выше показателей разработана система базовых индикаторов, регулярно вычисляемых практически для всех стран мира с 1990 г. Индекс человеческого развития для Российской Федерации (как суверенного государства, а не СССР) впервые был рассчитан и опубликован в мировом Докладе о развитии человека за 1993 г. Тогда Россия заняла 37 место в рейтинге стран по ИЧР (см. таб. 1).

В приведенных в табл. 1 данных четко фиксируется трансформационный период российской экономики, характеризующийся падением уровня жизни, сокращением средней продолжительности жизни населения, ростом смертности и снижением рождаемости, а также резким ослаблением социальных функций государства в области здравоохранения, образования и науки.

С середины 2000-х годов, благодаря достигнутой в обществе социально-политической стабильности и некоторым благоприятным конъюнктурным факторам в международной экономике, наблюдается ускорение темпов роста ИЧР в России. С 2005 г. Российская Федерация перешагнула порог индекса 0,800 и вошла в группу стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала. По данным Доклада о развитии человека за 2013 г. Россия находится на 55-м месте, резко улучшив свое положение за 2009–2011

гг. Более наглядно положение России в мире иллюстрирует рис. 1. Заметим, что, начиная с 2010 года, расчет ИЧР производится по новой методике. Поэтому для обеспечения их сопоставимости индексы были рассчитаны по новой методике.

Позитивные тенденции в области ИЧР, обусловленные общим экономическим подъемом в 2000-х гг. и социально ориентированной политикой Российской Федерации по преодолению экономического кризиса, в 2008 – 2009 гг. продолжали сказываться и далее, по крайней мере до 2012 г. (см. рис. 2).

Вместе с тем сравнительный анализ компонентов человеческого развития в России со странами, находящимися выше в рейтинге, показал, что определяющим фактором отставания являются средняя ожидаемая продолжительность жизни (разрыв со странами-лидерами составляет более 10 лет) и уровень доходов на душу населения (разрыв со странами-лидерами составляет около 3 раз).

Как известно, первый национальный Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации был издан в 1995 г., а индекс развития человеческого потенциала для отдельных субъектов РФ рассчитывается начиная с 1998 г. Расчет индексов развития человеческого потенциала в российских регионах позволяет выявить не только их социальное, демографическое и экономическое различие, но и дисбаланс в развитии отдельных его компонентов внутри отдельного субъекта РФ. Учет этих факторов и особенностей развития человеческого потенциала в отдельных регионах принципиально важен для комплексного анализа существующих проблем, определения приоритетных направлений и механизмов их решения, разработки соответствующих региональных и субрегиональных программ развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Human development report 1990. P.9. [Electronic resource]. – Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/219/hdr_1990_en_complete_nostats.pdf (дата обращения: 24.09.2014).
2. Human Development Report 1993. People's Participation [Text]. – New York: Oxford University press, 1993.
3. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека [Текст] / ПРООН. – М.: Весь мир, 2010.
4. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире [Текст]. – М.: Весь мир, 2013.
5. Саградов, А.А. Человеческое развитие в России: региональные особенности [Текст] / А.А. Саградов // Человеческое и социальное развитие. – М., 2003.

З.Т. Голенкова

НОВЫЕ СЛОИ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Двадцатый век стал свидетелем резких изменений в социальной структуре всех обществ, которые в целом модифицировали границы и критерии классового и социального деления, резко расширили средние слои, поменяли «конфигурацию» дифференциации, открыли новые возможности для социальной мобильности. Постепенно, по мере усложнения экономической структуры рамки среднего класса (старого среднего – независимые предприниматели и мелкие собственники) раздвигаются. Появился новый средний класс: управляющие больших предприятий, множество техников, от деятельности которых зависит эффективность промышленности и торговли; если директора, инженеры, бухгалтеры, менеджеры, рекламные агенты, адвокаты, директора банков увеличили численность верхнего слоя среднего класса, то чиновники, численность которых росла быстрее, чем численность рабочих (последних заменяли конвейеры), поскольку административные операции играли все более важную роль по мере роста и усложнения производственных единиц, пополняли низшие слои среднего класса. Наряду с многочисленной бюрократией новый средний класс пополняли профессиональные и полупрофессиональные работники сферы обслуживания.

Если на первых этапах развития капиталистических общества независимые мелкие собственники и предприниматели составляли около 80% населения, то сегодня в наиболее развитых в экономическом отношении странах до 75% активного населения относится к наёмным работникам. Практически во всех развитых странах доля среднего класса составляет примерно 55-75%, при постоянном увеличении в нём числа и роли специалистов, разного рода менеджеров в производстве и управлении, чьё положение по сравнению с работниками физического труда более благоприятно: высокие доходы, лучшие условия труда, более высокие пенсии, более продолжительные отпуска. Однако с ростом этого слоя постепенно утрачиваются привилегии, которые раньше давало образование. Эти глобальные тенденции своеобразно преломляются на социальном пространстве России.

Основу социальной структуры в период реформ составляли социальные слои и классы советского общества, характеризовавшиеся вертикальными связями типа «руководство-подчинение», «покровительство-зависимость», патернализмом и клановостью, наиболее близко соответствовавшим официальной иерархии организованной власти.

На рубеже XX-XXI веков появились новые слои, социокультурные образования: предприниматели и менеджеры, кооператоры, фермеры, свободные профессионалы, наёмные работники в частном секторе, безработные, прекариаты и др.

На первый план выдвигаются проблемы социального и имущественного неравенства с элементами классовых противоречий и конфликтов. Возникла проблема поиска теории, адекватно объясняющей происходящую трансформацию социальной структуры российского общества.

Традиционный для советского периода классовый подход и трехчленная модель (рабочий класс, колхозное крестьянство плюс интеллигенция как межклассовая прослойка) «не работают» в новых условиях. В марксистской теории общества средства производства и разделения труда, отношения собственности являются главным источником возникновения классов, основным критерием социальной дифференциации и неравенства. В прежних концепциях исследования социальной структуры советского общества доминанта принадлежала изучению объективных тенденций (научно-технический прогресс, система организации общественного производства, распределительные отношения) и игнорировалась субъективная сторона социокультурных процессов: материальное и объективное отождествлялось.

В последние годы складывается преимущественно иная парадигма изучения социальной стратификации: многомерный иерархический подход, использующий такие критерии, как позиция в сфере занятости, доход, позиция во властной структуре, престиж, а также формирование новых социогрупповых самоидентификаций.

Трансформационные процессы, наблюдаемые на российском социальном пространстве, в большей или меньшей степени обусловлены тремя группами факторов.

Первая группа – речь идет о таких всеобщих факторах, как глобализация мирового пространства, интеграция в сфере экономики, политики, образования, информации, с одной стороны, и дезинтеграции – с другой. Эти процессы наблюдаются во всех обществах, на всех его уровнях. Причем если передовые страны находятся в состоянии «шока перед будущим», активно реализуют свои цивилизационные процессы интеграции, то транзитивные или трансформирующиеся, постсоциалистические общества, переживая синдром «шока прошлого», пытаются резко изменить своё положение путём дезинтеграции, сопровождающейся усилением национального партикуляризма, религиозными, национальными и социальными конфликтами.

Вторая группа факторов является общей для стран, находящихся в процессе перехода к общественной системе, основанной на рыночных отношениях. Понятие «трансформация» часто употребляется для обозначения бурных процессов, протекающих ныне в бывших социалистических странах. Этим термином, как и термином «модернизация», стремятся подчеркнуть неидеологизированный характер происходящих изменений. Однако на деле оба несут заряд идеологизированности. Так, если для одних трансформация – это позитивный процесс, который следует всячески поддерживать, дабы вчерашние страны социализма вошли в число эффективно развивающихся демократических обществ, то другие рассматривают ее как процесс негативный, разрушительный, навязанный извне и приведший к коллапсу экономики, социального порядка и духовных основ обществ.

Крушение прежнего порядка и радикальная деконструкция общественных основ делают трансформацию – как выход из нестабильного состояния – неизбежной, хотя и направленность движения к новому типу общественного устройства может оспариваться или уточняться. Многообразие особенностей процесса трансформации пока не позволяет глубоко проанализировать его в целом и тем более выявить его основную направленность, хотя бы в качестве тренда. Вот почему широко распространенное по-

нимание процесса трансформации как «неизбежного возврата к капитализму», как процесса формирования общественных институтов и образа жизни, типичных для современных западных обществ, представляется неправово однобоким. В России, во всяком случае, некоторые важные процессы обладают существенными особенностями, делающими ситуацию в стране мало похожей на другие.

Третья группа имеет исключительно внутренний, российский характер. Прежде всего, следует отметить отсутствие теоретически и практически обоснованной политики социальной реконструкции страны, в силу чего она проходит стихийно, непоследовательно, даже иррационально. Это подтверждают и проведенные в последние годы исследования социальной структуры российского общества, фиксирующие ее крайнюю неустойчивость, аморфность, неопределенность. На макроуровне и на уровне социально-производственных структур возникают новые формы социальной дезинтеграции и дифференциации. Меняются соотношения форм собственности, одни социальные группы и слои исчезают, другие возникают, третьи дробятся, четвертые меняют социальные роли и статусы и т.д.

Развитие процессов, связанных с трансформацией всех отношений в российском обществе, выдвинуло на первый план проблемы социальной интеграции и дезинтеграции, согласия и конфликта — проблемы, являющиеся ключевыми в классической социологической теории и составляющие поле классического анализа.

Преобразования 1990-х гг. качественно преобразили социально-структурные и другие отношения, крайне обострив и углубив имущественную дифференциацию, поляризовав интересы и политические предпочтения социальных групп. На смену государственной экономике пришла многосекторная с широким спектром форм — государственной, частной, муниципальной, арендной, акционерной, смешанной и т.д. Так, в 2012 г. доминировала частная форма собственности — 59%, государственная и муниципальная составили 29,7%, смешанная российская и российско-иностранный — 10,8%, собственность общественных и религиозных организаций — 0,5%.

Множественность форм собственности порождает новые формы социальной дифференциации, ставит собственника и работника в неравное положение по отношению к средствам производства, формирует сложный комплекс новых классовых и социально-экономических интересов. Эти интересы еще окончательно не выкристаллизовались, они, как и их носители, пока находятся в стадии становления. Увеличение численности занятых в частном секторе за последние 10 лет более чем в 2 раза означает, что произошло изменение не только экономического и юридического статусов предприятий, но и экономического, и социального положения занятых на них работников.

Российские социологи большое внимание уделяют изучению процесса формирования социальной модели современного российского общества. Под моделью понимается складывающаяся или уже сложившаяся система отношений между социальными группами (стартами), основная на их взаимосвязанных статусных позициях: экономических, политических, социокультурных и т.д.

При реализации любой социально-экономической политики на первый план выходят проблемы, связанные с развитием всех социально-структурных процессов. Поэтому чрезвычайно актуальным становится исследование динамики взаимодействия различных социальных групп и слоев, становление их интересов, значимости различных аспектов социального неравенства между ними. Это связано, прежде всего, с изменениями в отношениях собственности, появлением новых форм в системе властных

отношений, резкой дифференциацией в уровне доходов различных групп населения. Кроме того, весомыми становятся и такие факторы, как изменение структуры занятости населения, формирование новой поляризации различных видов труда — преимущественно ручного и научно-индустриального, а также отраслевой его специфики. Происходит радикальная трансформация экономического потенциала социальных групп: формируются класс собственников: крупных, средних, мелких и класс наемных работников, основной экономический потенциал которых зависит от доходов работы по найму в государственном, смешанном или частном секторе. В то же самое время возрастает значение индивидуальной состоятельности в процессах социального продвижения людей к более высокому социальному статусу, но при этом увеличивается и численность маргиналов, утрачивающих устойчивые связи: со своими социальными общностями или находящихся на грани утраты таких связей.

Одним словом, налицо многомерное, иерархически организованное социальное пространство (социальная стратификация), в котором социальные слои, группы, классы и другие социальные элементы дифференцированы по степени обладания властью, собственностью, социальным статусом, имеют свою систему ценностных ориентаций, свои ролевые функции. Иную социальную стратификацию можно рассматривать как структуру неравных социальных позиций (неравенство) личности, группы, класса, их соответствующее распределение в социальной иерархии.

Вся совокупность существующих в обществе социальных неравенств может быть разделена на неравенства первого и второго уровня. Первый уровень — неравенства системного характера: экономические, политические, социально-статусные, распределительные, властные и т.д. Второй уровень — неравенства индивидуальных свойств и возможностей личности. Неравенства первого уровня непосредственно связаны с теми сложными трансформационными процессами, которые происходят в настоящее время в России. Речь идет о таких всеобщих тенденциях, как глобализация мирового пространства, интеграция в сфере экономики, политики, образования, информации, с одной стороны, и регионализация, дезинтеграция, с другой. Регионализация постсоветского пространства, определяемая развитием отдельных регионов страны, их особенными социально-экономическими условиями жизнедеятельности, а отсюда — складывающимися своеобразными формами взаимоотношений с федеральным центром, активно влияет на формирование собственных социально-структурных элементов, внутренних и внешних связей. Именно в этом контексте формируется новая система отношений равенства — неравенства, — дезинтеграции в социальном пространстве. Изменяется соотношение форм собственности, трансформируются такие институты, как семья, образование, власть, происходит исчезновение одних групп и слоев, возникновение других, дробление третьих, изменение социальной роли и статуса т.д. Ныне отсутствуют сложившиеся массовые социальные слои со своими осознанными интересами, политико-идеологическими ориентациями, общепринятыми нормами и поведением.

Основной осью социальной дифференциации и интеграции является такое принципиальное направление, как образование её срединного среза — становление средних слоёв. Надо отметить, что этот процесс пронизывает все общество, включая группы занятых как в частных, так и в коллективных и государственных формах собственности, а также собственников и значительную часть наёмных работников.

Когда мы говорим, что современную социальную структуру нельзя рассматривать как стабильное явление, то порой забываем, что те существенные характеристики,

которыми она обогатилась за последние десятилетия, формируют ее как во многом устойчивое социальное образование, развивающееся в направлении социальной стратификации.

Происходящие в стране отраслевые сдвиги могут быть охарактеризованы следующими тенденциями. Устойчивое сокращение занятых в промышленности. В 2012 году занятые в этой отрасли составляли 18 % всех занятых в экономике (в 1992 году – 29,6%). Наибольший рост занятых наблюдается в управлении (почти в 2,5 раза); в финансах (почти в 2 раза); в торговле (в 2,2 раза). По сравнению с 1992 годом резко сократилась доля занятых в науке (почти 1,8 раза). В других отраслях уменьшение – увеличение не очень значительно.

С началом экономической реформы произошли фундаментальные изменения в механизмах регулирования дохода, и, как следствие, в степени дифференциации материального положения и социального расслоения по этому критерию. Так, в 2010 году на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось 30,9 % общего объема денежных доходов (январе – сентябре 2008 года – 29,6 %), а на долю 10 наименее обеспеченных – 5,2 % (в 2008 г. – 2,1%).

Социальная статистика свидетельствует ещё об одном виде социальных различий – между регионами. Особенно это касается экономической активности населения, обусловленной сложившейся структурой размещения производительных сил, историческими и природно-климатическими особенностями.

Так, в 2010 году самые низкие показатели по уровню занятости и самые высокие по уровню безработицы приходятся на республики Южного федерального округа, Бурятский автономный округ, Республику Тыва.

По уровню безработицы наиболее низкие показатели (5 % и менее) имеют Москва, Санкт-Петербург и ряд областей Центрального федерального округа, а также Эвенкийский и Чукотский автономные округа.

Региональные различия прослеживаются и по многим другим показателям: по возрастному составу занятых и безработных, по реальным денежным доходам населения, по реальной начисленной заработной плате работающих в экономике и др.

В этой связи отметим некоторые статистические показатели, характеризующие социально-экономическую динамику общественной трансформации страны в контексте становления в нем новых социальных элементов и рыночных отношений.

1. За последние восемь лет происходит плавное увеличение численности и доли занятых в частном секторе экономики страны с 46,1 % в 2000 году до 59,6 % в 2010 г. Когда Росстат предлагает эти сведения, он имеет в виду и работающих по найму, и работающих не по найму в этом секторе.

2. Что касается собственно предпринимателей (работодателей), то необходимо отметить, что эта категория занятых за тот же период также возросла примерно в 1,8 раза. Таким образом, можно говорить о том, что, несмотря на наличие негативных моментов, препятствующих развитию частного предпринимательства, во всяком случае, в количественном отношении «старый средний класс» постоянно растёт.

3. Отдельно необходимо отметить тенденции развития российского среднего бизнеса, потому что социально-экономическая ситуация во многом зависит от бурного развития предпринимательства, особенно в малых его формах. Кроме того, в этой сфере происходит в значительной степени производство и воспроизводство средних слоев общества – его среднего класса. Рост мелких предприятий (без микропредприятий) за

последнее десятилетие составил 117%. Иначе, темпы роста положительные, что также свидетельствует о формировании основы потенциального среднего класса. В то же время, по мнению исследователей, число субъектов малого предпринимательства в стране практически несопоставимо с малым бизнесом в странах ЕС или в США. Поэтому для нормального экономического развития, которое могло бы привести к соответствующим социальным последствиям, необходимо существенное увеличение темпов роста. Кроме того, отраслевая структура малого бизнеса в основном ограничена оптовой и розничной торговлей – 46% от общего количества предприятий и численности занятых в них.

4. Рассматривая динамику изменения социального состава общества в процессе формирования его социальной модели и имея в виду тот факт, что под моделью мы понимаем складывающуюся или в иных аспектах уже сложившуюся систему отношений между социальными группами, необходимо отметить следующие два обстоятельства. Во-первых, сложность формирования рынка труда, его наиболее существенных показателей; во-вторых, региональная дифференциация этого процесса. Последняя осложняется порой неразвитой социальной структурой, фактическим отсутствием среднего класса, резкой социально-имущественной дифференциацией, осложняющей и без того конфликтную ситуацию в том или ином регионе. Так, по данным Росстата, если уровень занятости в целом по РФ в 2012 году составил 61,5%, то в Московском регионе – почти 70%, а в отдельных регионах Северо-Кавказского Федерального округа (СКФО) – немного более 30%. Соответственно – уровень безработицы – 5,5%, 2,9% и 13,1%. Причем, если учесть, что в составе безработных около 80% составляет молодежь от 20 до 39 лет, то есть самая продуктивная и работоспособная категория населения, то становится очевидным, сколь актуальной и в экономическом, и в политическом, и в социальном плане является проблема модернизации социальной структуры общества, главным образом ее региональных аспектов.

5. Все сказанное свидетельствует о необходимости формирования механизма социального приспособления к интенсивно меняющимся условиям бытия. Адаптационная необходимость затрагивает фактически все слои населения всех возрастов различных регионов, которые вынуждены искать и находить пути и способы адаптации. Очевидно, что в этих условиях меняется состояние занятости, формируются самые разнообразные источники доходов, возникают ее институализированные формы, как то: дополнительная занятость, неформальная занятость и т.д.

Так, в середине 2012 года дополнительную занятость имели 1,8 млн. человек. Отметим также занятость в неформальном секторе, который хотя и является существенным фактором в системе трудовых отношений, тем не менее представляет собой ответственный сегмент, в котором отсутствует государственная юридическая регистрация. Это означает определенную деформацию занятости на рынке труда того или иного региона. В середине 2012 года в Москве он составляет 5,2 %, в Санкт-Петербурге – 2,3 %, в отдельных регионах СКФО – более 40%. Основная характеристика рынка труда – это потребность в профессионалах, специалистах, способных по-новому осуществлять свои производственные функции. Поскольку наёмный труд становится субъектом рыночных отношений, на него распространяются все их достоинства и недостатки. Рынок труда в настоящее время можно разделить на два профессиональных сегмента: первый образуют профессии, которые обслуживают институт частной собственности; второй – профессии, обслуживающие государственную собственность. Спрос на специ-

алистов в этих группах различен. В первой группе спрос на профессии рыночного типа высок, но круг их ограничен, поскольку институт частной собственности в России охватывает далеко не все сферы экономики. Во второй группе специализация востребованных профессий много шире, но эта сфера деятельности часто не устраивает самих специалистов в силу ряда причин, в основном материальных. В сложившейся экономической ситуации существуют профессии, пользующиеся постоянным и устойчивым спросом в обоих секторах экономики. Одна из таких профессий – «менеджер». Эта профессия, безусловно, рыночного типа. Её обладатели не испытывают затруднений при устройстве на работу. Более того – они могут себе позволить выбирать место работы.

Чтобы сравнить различные аспекты профессиональной деятельности менеджеров и представителей других профессиональных групп, первые были выделены в одну профессиональную группу, а остальные респонденты – «простые исполнители» – составили другую. Анализ материалов исследования позволил сделать вывод о том, что группа «менеджеры» отличается от другой профессиональной группы, прежде всего, своим экономическим поведением: они занимают ярко выраженную активную позицию не только в профессиональном отношении, но и в решении всех насущных жизненных проблем.

Основу профессиональной группы менеджеров составляют люди в возрасте от 18 до 44 лет (74,5%), имеющие высокий уровень образования (56,2% – высшее, 28,7% – среднее специальное). То есть они с полным правом могут считаться профессионалами достаточно высокого уровня. В этой профессиональной группе наблюдается преобладание в области образования – две трети родителей опрошенных менеджеров (65,7% отцов и 62,9% матерей) также имели высокий уровень образования. Поэтому можно предположить, что хорошее образование для данной группы респондентов является определенной жизненной ценностью и осознанным выбором.

В первую очередь именно уровнем образования менеджеры отличаются от представителей другой профессиональной группы. В этой группе в два раза меньше тех, кто имеет среднее специальное образование, и в три раза тех, кто имеет высшее. Можно предположить, что именно это обстоятельство, а также рыночный характер приобретенной профессии определили существенные различия между представителями этой профессиональной группы и всеми другими респондентами в производственной деятельности, материальном и общественном положении.

Анализ данных показал: если есть возможность выбора места работы, профессионалы, как правило, выбирают частное предприятие. Менеджеры не стали исключением: 73,3% из них работают в частном секторе и лишь 19,9% – в государственном.

Проблема неформальной занятости особенно актуальная стала на рубеже XXI веков. Она многолика. Она имеет различные определения в зависимости от целей исследования и угла зрения. Но она присутствует сегодня во всем мире и во всех странах – развитых, развивающихся и постсоциалистических, оказывая существенное влияние на их социально – экономическое развитие. Исследователи, как правило, сталкиваются с рядом проблем, в первую очередь с информационными ограничениями. Кроме того, используются различные показатели-индикаторы. И тем не менее, несмотря на все ограничения, ряд исследователей пришли к выводу, что все страны в зависимости от уровня неформальной занятости можно разделить на три группы: а) до 15%, б) от 15 до 40%, в) свыше 40%. Россия оказывается в средней группе по разным оценкам.

По определению Росстата, неформальный сектор – это совокупность производственных единиц (домашних хозяйств или индивидуальных субъектов), которые осуществляют производство товаров и услуг и не являются самостоятельными юридическими единицами. Этот сектор существенно влияет на формирование рынка труда и на всю социально-трудовую сферу. Основная его функция – амортизация сокращения занятости в формальном секторе. В 2011 г. занятые в неформальном секторе составили 18,5% от общей численности всего занятого населения РФ. Больше половины его составляют городские жители. Специфической особенностью России является ее региональный разброс (от 2,2 % и 5% – в Санкт-Петербурге и Москве до 40-50 % на Кавказе).

В мире существует множество видов стратификаций. На современном этапе можно говорить о нескольких сохранившихся и не вышедших из употребления делений общества на группы по какому-либо основанию. Так, классовый подход изначально имеет в основе деление на классы, которые владеют либо не владеют средствами производства на основе закона разделения труда. Словесное стратификационное разделение общества существует на основании трех основных критериев: образования, дохода, самоидентификации и множества подкритериев. Сословная стратификация объединяет индивидов в группы на основе наследственного принципа.

В последние годы в условиях глобализации и перманентного экономического кризиса встал вопрос о новом и не менее важном основании для стратификации современных постиндустриальных экономически развитых обществ, а именно делении общества на основании экономической стабильности/нестабильности, безопасности/небезопасности. Такой подход снискал множество приверженцев в странах ЕС и в США. Речь идет о возникновении новой стратификационной группы – прекариате¹, которую в странах Западной Европы и США называют «опасным классом». Прекариат – понятие, этимологически связанное с двумя английскими корнями «precarious» «нестабильный» и «proletariat» (пролетариат). В последние годы, в условиях глобализации и перманентного экономического кризиса, встал вопрос о новом и не менее важном основании для стратификации современных постиндустриальных экономически развитых обществ, а именно делении общества на основании экономической стабильности/нестабильности, безопасности/небезопасности. Такой подход снискал множество приверженцев в странах ЕС и в США. Однако оно трактуется гораздо шире, чем нестабильный пролетариат. В прекариат входят группы индивидов, которые независимо от размера их дохода, образования, самоидентификации и других характеристик, не имеют стабильной формальной занятости, т.е. эта группа не имеет стабильного положения на рынке труда, не имеет гарантий занятости. Иными словами, сегодня они имеют место работы и доход, а завтра в них перестанут нуждаться. Причем разброс в размере доходов внутри этой группы предельно широк – от дохода фрилансера до дохода поденного неквалифицированного рабочего. И тот, и другой не имеют стабильной формальной занятости. Следует отметить, что данная группа не может быть встроена ни в одну из имеющихся социо-структурных систем. Она стоит особняком, но имеет двухсторонние связи с любой стратификационной системой. Внутренняя неоднородность этой группы дает повод для вполне обоснованной критики, однако, отрицать наличие проблемы, по нашему мнению, не стоит. Прекариатом пугают обывателей, преподнося его как «класс отверженных», которому «нечего терять», который очень независим от современных демократических институтов, поэтому спосо-

¹ Standing G. The Precariat – The New Dangerous Class. – London: Bloomsbury, 2011.

бен на бунт беспощадный и кровопролитный. Многие политологи и политики считают, что именно прекариат составляет большинство, наполняющее движение «Оккупируй Уоллстрит!», которое стало уже транснациональным. В Европе с ним связывают относительно новое общественное движение, называемое «Mayday», которое провоцирует беспорядки в странах Западной Европы. В Японии появились новые страты, называемые «freeters» и «NEETS», в состав которых входят молодые люди с наличием или отсутствием профессионального образования, но не имеющие возможности найти работу после окончания школы или вуза и перебивающиеся случайными заработками.

Д. Коупленд в своей книге «Поколение X»², вышедшей в конце XX в., очень ярко описал подобную страту, назвав ее «космической беднотой», путешествующей по континентам и странам в поисках новых впечатлений и перебивающейся случайными заработками. Некоторые аналитики считают, что это в определенной степени «бунт» против образа жизни и ценностей среднего класса, который в развитых странах составляет большинство населения. Этот бунт, по их мнению, сродни бунту хиппи 70-х гг. XX в.

В России вопрос о зарождающемся прекариате встал совсем недавно. В апреле 2013 года на XIV Международной научной конференции «Модернизация экономики и общества» вице-премьер РФ Ольга Голодец заявила, что 38 миллионов трудоспособных россиян «непонятно где заняты, чем заняты, как заняты». Это сразу же подтолкнуло российских ученых «провести ревизию» российского общества, особенно трудоспособной его части на предмет какой-либо занятости. Некоторые эксперты считают, что порядка 30% трудоспособных россиян находятся в условиях «неустойчивой занятости», то есть их трудовые отношения не оформлены, и они находятся в теневом или, как выразилась Ольга Голодец, «нелегитимизированном» секторе рынка труда³.

На самом ли деле эта новая группа так опасна? В чем ее сущность? Какова история ее возникновения? В сложившихся условиях социальной трансформации эти вопросы требуют внимательного изучения.

С «прекариатом» как социальной группой тесно связано понятие «прекаризации» – «трудовых отношений, которые могут быть расторгнуты работодателем в любое время, также неурегулированности трудовых отношений и неполноценной, ущемленной правовой и социальной гарантии занятости. В настоящее время это явление охватило значительную часть наемных работников».

С понятием «прекариат» тесно связано понятие «прекаритет» как непредсказуемые, ненадежные и небезопасные условия существования, приводящие к материальному и психологическому неблагополучию. Часто прекаритет соседствует с маргинализацией и аномией в дюркгеймовском понимании этого слова.

В настоящее время проблема прекариата обсуждается, не только в связи с ростом протестного движения в обществе, ведь именно он составляет его основу, но и в связи с проблемой размывания «среднего класса». Так, по данным немецкого исследователя, профессора Йенского университета Клауса Дерре, «каждый третий работающий по найму в Германии находится в состоянии подвешенного или текучего прекариата»⁴. Причины этого состояния кроются в восприятии социального неравенства. Большин-

² Коупленд Д. Поколение Икс. – М.: АСТ, 2009.

³ Афанасьева Н. Новый класс неустойчиво занятых: «непонятно где, непонятно чем» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российского информационного агентства. – Режим доступа: <http://ria.ru/analytics/20130404/930910280.html>

⁴ Мармер Э. Что такое прекариат // Neue Zeiten. – 2009. – № 5.

ство опрошенных в Германии (61%) считают, что больше нет середины, а только высшие слои и низшие.

В Российском научном сообществе проблему прекаризации как процесса и прекариата как новой стратификационной группы обсуждают в научных кругах крайне мало, в основном ее отдельные аспекты, например, проблемы частичной, неполной занятости, скрытой безработицы, неформальной занятости, теневой или «серой» экономики и т.д. На факультете философии НИУ Высшей школы экономики в феврале и апреле 2013 г. проходили семинары научно-исследовательской группы «Труд, знание и досуг в постиндустриальном обществе», посвященные обсуждению книги Гая Стендинга «Прекариат – новый опасный класс».

Таким образом, следует отметить, что при всей актуальности проблемы в научных кругах еще не выработан комплексный подход к изучению новой стратификационной группы. В условиях возможного роста протестных настроений в обществе необходимо обобщение, конкретизация объекта исследования, его актуализация и предметное изучение, поскольку протестное настроение в обществе только наметилось, и прекариат может стать основной движущей силой протеста в мире и в России, может стать основной экономической и социальной нестабильности.

Развивая тему прекариата, британский исследователь Стендинг делает выводы о том, что именно коллизии постиндустриального общества привели к формированию этой многочисленной группы. Следуя марксистской терминологии, он говорит, что прекариат еще не является классом-в-себе, а есть класс-в-становлении. Автор выделяет пять групп на основании трудовой принадлежности:

- 1) элита («мизер абсурдно богатых, красующихся на страницах Forbes, влияющих на правительства во всем мире и занимающиеся благотворительностью»);
- 2) салиариат (высший средний слой, имеющий стабильную полную занятость, надеющийся пополнить ряды элиты. В салиариат входят работники крупных корпораций, государственных учреждений, государственной службы);
- 3) профессионалы (работники, трудящиеся на основе контракта, возможно, с несколькими корпорациями, могут переходить с одного места работы на другое, демонстрируя «текучесть» постмодерного общества, способны «перетекать», имеют стабильное положение, благодаря своим знаниям и умениям);
- 4) сердцевина («старый» рабочий класс);
- 5) прекариат (социально неустроенные, не имеющие полной гарантированной занятости).

Прекариат, по словам Стендинга, обладает «усеченным статусом», т.е. имеет минимальные отношения с государством и работодателем с точки зрения стабильности и безопасности. Представители прекариата в минимальной степени идентифицируют себя с профессиональным сообществом, в котором, возможно, даже находятся. Как следствие, они не являются членами профсоюзов, что, в свою очередь, ведет к размыванию этой важной общественной организации.

Британский ученый выделяет три потенциально прекаризованные социальные группы: молодежь, женщины, пожилые люди. К прекариату Стендинг причисляет также и мигрантов, но, скорее всего, речь идет о прекаризованных трудовых отношениях, а не о групповой идентичности.

С распространением неформальной занятости в последнее время в условиях глобализации и перманентного экономического кризиса особенно активно стал обсуждаться вопрос о возникновении новой социальной страты – прекариата, который стали на-

зывать «опасным классом». В российском обществе в рамках неформальной занятости также растет численность нового слоя. Последствия его формирования могут носить негативный характер. Кроме того, нестабильность в сфере занятости порождает эмоциональную, психологическую и социальную нестабильность, что зачастую ведет к латентному социальному конфликту и провоцирует протестное поведение индивидов. Речь идет о неопределенности, в которой оказались некоторые социальные общности. Эта неопределенность кристаллизуется в различных точках сферы наемного труда, преимущественно неформального, идет ли речь о более развитых обществах или об обществах переходных. В этом плане особые проблемы возникают с ростом численности мигрантов во всех странах, в том числе и в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева, Н. Новый класс неустойчиво занятых: «непонятно где, непонятно чем» [Электронный ресурс] / Н. Афанасьева // Официальный сайт Российского информационного агентства. – Режим доступа : <http://ria.ru/analytics/20130404/930910280.html>
2. Коупленд, Д. Поколение Икс [Текст] / Д. Коупленд. – М.: АСТ, 2009.
3. Мармер, Э. Что такое прекариат [Текст] / Э. Мармер // *Neue Zeiten*. – 2009. – № 5.
4. Standing, G. *The Precariat – The New Dangerous Class* [Текст] / G. Standing. – London: Bloomsbury, 2011.

Ю.В. Голиусова

ИЗБЫТОЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ПРЕКАРИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО- ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Проблема влияния высшего образования на социально-экономическое развитие страны является предметом исследования многих зарубежных и отечественных ученых. К числу проблем, предполагающих необходимость дальнейшего исследования, относится влияние избыточного образования на уровень благосостояния индивидов, на их положение на рынке труда, на ценностно-нормативную структуру.

Впервые проблема избыточного образования была поставлена зарубежными экономистами. Исследование данной проблемы долгое время осуществлялось в рамках изучения внутрифирменных образовательных экстерналий. В частности, большое внимание уделялось вопросу воздействия избыточного образования на уровень заработной платы как обладателя какого-либо уровня образования, так и других сотрудников фирмы.

В российской научной литературе проблема избыточного образования в явной форме не является предметом специального исследования. Однако вопрос о соответствии уровня образования выпускников учебных заведений требованиям, предъявляемым работодателями, находится в центре внимания не только ученых, но и широких кругов общественности, населения. В отличие от зарубежных исследований, в отечественной литературе проблема избыточности образования изучается в контексте несоответствия количества выпускников вузов спросу на них на рынке труда.

В последние годы все большее распространение получает концепция, в соответствии с которой российская система высшего профессионального образования развивается обособленно, что, в частности, получило отражение в перепроизводстве выпускников высшей школы¹. В связи с этим весьма актуальной является проблема определения избыточного образования не только на микроуровне, но и на макроуровне, а также влияния избыточного образования на благосостояние не только конкретного индивида, но и всего общества.

Во многих странах мира, в том числе в России, в последние десятилетия активно реформируются системы образования. Реформирование образования в современной России обусловлено мировыми тенденциями развития образовательной сферы, такими как рассмотрение образования в качестве ресурса развития общества и государства;

¹ Капелюшников Р. Человеческий капитал России: эволюция и структурные особенности // Вестник общественного мнения. – 2005. – № 4 (78). – С. 46-54.

глобализация образования, требующая встраивания в мировое образовательное пространство; установка на качество образования, развитие личности обучающихся, становление компетентности участников образовательного процесса.

В России работодатель осуществляет выбор между бакалаврами, специалистами и магистрами. Чаще всего он плохо представляет себе различие между этими ступенями обучения, поэтому предпочтение отдается самой высокой ступени – магистрам, хотя требования к занимаемой позиции, как правило, вполне соответствуют уровню бакалавра или специалиста.

Следует отметить, что численность студентов в России с каждым годом уменьшается, но, тем не менее, на 10000 человек в России в 2012 году приходилось 424 студента². В России каждый год выпускается около миллиона молодых специалистов.

В 2012 году среди безработных в возрасте 20-24 лет около 20% имели высшее образование, т.е. пятая часть выпускников вузов не востребована на рынке труда. Это означает, что на рынке труда требуются менее квалифицированные специалисты и ценность высшего образования понижается. Данный феномен получил название «избыточное образование» или, как это принято называть в зарубежной литературе, *overeducation*. Те, кто менее образован, имеют гораздо больше шансов трудоустроиться, чем те, кто лучше образован. Иначе говоря, существует обратная корреляция между образовательным уровнем и легкостью трудоустройства.

В безработные также попадает экономически активная молодёжь, что негативно влияет на социально-экономическую сферу и на рынок труда. Так, в 2012 году почти 10 % экономически активного населения в возрасте 15-29 лет являлись безработными. Причём пик безработицы среди имеющих высшее образование приходился на возраст 20-24 лет. Этот факт говорит о том, что трудоустроится после окончания высшего учебного заведения достаточно трудно. 23 % среди безработных в возрасте 15-29 лет составляют окончившие высшее учебное заведение. По данным исследовательского центра кадрового интернет-портала «Superjob», в июне 2014 года в Москве чаще всего соискателями были мужчины в возрасте 25-29 лет с высшим образованием.³ Трудоустройство на работу, не связанную с полученной специальностью, это ещё одна проблема, ведущая молодёжь в группу нестабильно занятых. В основном на молодёжном рынке труда требуются работники со средним специальным образованием. Однако, судя по данным (рис. 1), занимать данные позиции приходится выпускникам вузов.

Но что же происходит на самом деле на молодёжном рынке труда? Об этом мы поговорим далее.

По данным исследования «Начало карьеры, студенты», проведенного порталом «Career» в июле 2014 года в городах-миллионниках (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань, Самара, Омск, Челябинск, Ростов-на-Дону, Уфа, Волгоград, Красноярск, Пермь, Воронеж)⁴, Москва — единственный город, в котором конкуренция при поиске работы среди молодежи ниже, чем в целом по рынку труда. Если говорить про долю вакансий для молодых специалистов в каждом ре-

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm

³ Рынок труда Москвы, июнь 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.superjob.ru/research/articles/111575/gynok-truda-moskvy-iyun-2014>

⁴ Рынок труда для молодых специалистов в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://career.ru/article/15140>

Рис. 1. Топ-20 вакансий (по количеству) в проф. сфере «Начало карьеры, студенты» в России (%), 2 квартал 2014 г.)

Источник: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://career.ru/article/15140>

гионе, то в Москве в 2014 году на вакансии для молодых специалистов пришлось около 13% от общего спроса в регионе (или каждая 8-я вакансия на рынке труда в Москве). В Нижнем Новгороде и Казани каждая 13-я вакансия была ориентирована на молодого специалиста, в Санкт-Петербурге – каждая 11-я вакансия.

Большинство российских вакансий, размещенных в сфере «Начало карьеры, студенты», во 2 квартале 2014 г. Предполагали полную занятость. Самый высокий показатель отмечен в Воронеже – 89%, а самый низкий – в Красноярске и Челябинске – 73%.

Вакансий, предлагающих частичную занятость для молодых специалистов, больше всего было опубликовано в Челябинске – 24%. Стажировки чаще всего встречались в Санкт-Петербурге и Воронеже – 4% от общего количества вакансий, размещенных в сфере «Начало карьеры, студенты».

В начале 2014 года конкуренция среди соискателей при поиске работы в сфере «Начало карьеры, студенты» совокупно была в среднем в два раза выше, чем в целом по рынку труда, т.е. напряженность на рынке труда молодых специалистов выше.

Что касается требуемого работодателем образовательного уровня, то в целом по России в 42% вакансий для молодых специалистов, в которых упоминалось об образовании как таковом, речь шла о высшем образовании (рис. 2).

Скорее всего, эти данные свидетельствуют не о потребности в высококвалифицированных кадрах, а о завышенных требованиях работодателей. Так, если соотнести данные на рисунках 3 и 2, то получается, что продавец-консультант или менеджер по продажам должны непременно иметь высшее образование, что лишено всякого здравого смысла. Феномен «девальвации дипломов» происходит, когда высшее образование связано не с уровнем профессиональной подготовки и компетентностью, а просто рассматривается как определенный уровень общей культуры. О профессиональных и коммуникационных навыках, которые в различной степени востребованы на рынке труда, говорят следующие данные (рис. 3).

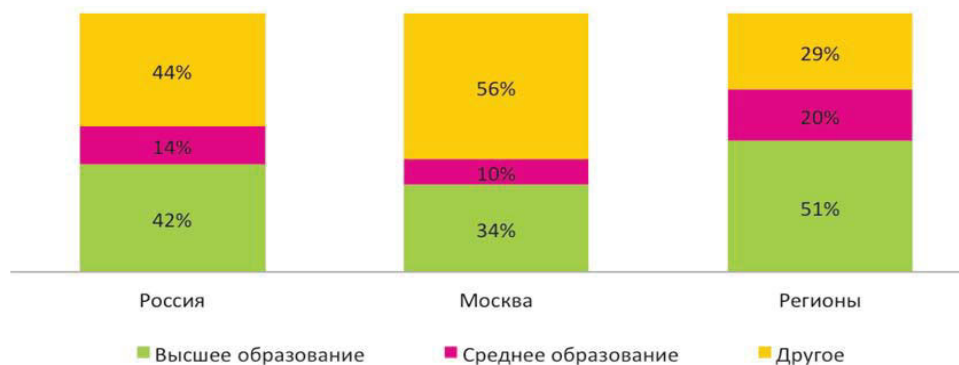

Рис. 2. Распределение вакансий по уровню требуемого образования в проф. сфере «Начало карьеры, студенты» (% , 2 квартал 2014 г.)

Источник: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://career.ru/article/15140>

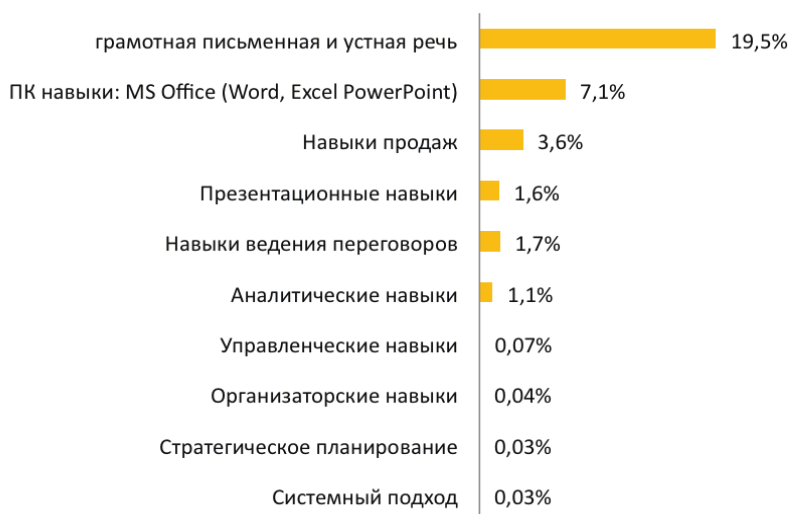

Рис. 3. Топ-10 навыков в вакансиях в проф. сфере «Начало карьеры, студенты» (Россия, %, 2 квартал 2014 г.)

Источник: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://career.ru/article/15140>

Действительно, молодёжь, окончившая вуз, должна уметь грамотно изъясняться на русском языке, быть уверенным пользователем ПК, уметь продать товар. Перекос? Скорее всего, проблема кроется в низком уровне полного среднего образования, которое в последнее время своей задачей ставит не «воспитание гармонично развитой, грамотной личности», а нацелено на сдачу тестов ЕГЭ, зачастую не дающего никаких представлений об уровне знаний и умений выпускника. Поэтому только диплом о высшем образовании может хоть как-то гарантировать работодателю наличие у претендента на должность продавца-консультанта вышеуказанных навыков.

Чаще всего в начале 2014 года работодатели указывали на необходимость наличия у претендента высшего технического (инженерного, математического, физического) образования (рис. 4).